

УДК 101.1:316.33

ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ МОДЕЛИ СИСТЕМЫ СОЦИАЛЬНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ

¹Лапшина И.В., ²Алексеева А.В.

¹ФГБОУ ВПО «Таганрогский государственный педагогический институт им. А.П. Чехова»,
Таганрог, e-mail: ira_lapshina@mail.ru;

²Южный федеральный университет, Таганрог, e-mail: a.alexeeva2010@yandex.ru

В статье рассматриваются функции компонентов авторской модели системы социального принуждения. В ходе проведенного социально-философского анализа социальных практик, связанных с применением принуждения, были выявлены основные функции каждой компоненты авторской модели. Исследование показало, что различные компоненты могут иметь функции с различными названиями, однако при этом функции могут быть по сути своей схожими, иметь общие цели или решать сопряженные задачи, что соответствует их резервированию. Наличие резервных функций в сложной системе является необходимым фактором для повышения ее живучести. Шифр специальности: 090011.

Ключевые слова: социальное принуждение, функции, политическое принуждение, экономическое/внеэкономическое принуждение, виртуальное принуждение, силовое принуждение, идеологическое принуждение, эстетическое принуждение

FUNCTIONAL MEASUREMENT OF MODEL SYSTEMS OF SOCIAL COERCION: SOCIAL AND PHILOSOPHICAL ANALYSIS

¹Lapshina I.V., ²Alekseeva A.V.

¹FGBOU VPO «The Taganrog state teacher training college of a name of A.P. Chekhov», Taganrog,
e-mail: ira_lapshina@mail.ru;

²Southern federal university, Taganrog, e-mail: a.alexeeva2010@yandex.ru

In article functions of components of author's model of system of social coercion are considered. During the carried-out social and philosophical analysis social the practitioner, connected with coercion application, the main functions of author's model everyone components were revealed. Research showed that various components can have functions with various names, however thus functions can be inherently similar, have common goals or solve the interfaced problems that corresponds to their reservation. Existence of reserve functions in difficult system is a necessary factor for increase of her survivability. Specialty code: 090011.

Keywords: social coercion, functions, political coercion, economic/noneconomic coercion, virtual coercion, power coercion, ideological coercion, esthetic coercion

В настоящее время состояние общества характеризуется усложнением структуры и отношений, многообразием и неоднозначностью форм поведения человека, использованием различных способов воздействия на человека, которые определяются уровнем развития общества, а также появлением новых форм влияния на человека, неизбежно интегрирующихся в существующие социальные практики. Перечисленные тенденции и особенности современного общества логически обуславливают необходимость комплексного исследования феномена социального принуждения, форм его проявления и роли для современного общества. При этом, в уже проведенных отечественных и зарубежных исследованиях, как правило, не учитываются общие функции, системообразующие факторы и связи между различными способами социального принуждения и иного воздействия на человека, в том числе и проявление системных эффектов при их одновременном воздействии на человека. Так, проведенное

нами исследование является актуальным, с учетом того, что в нем нами представлены общие функции компонентов авторской модели системы социального принуждения. В начале нашего исследования заметим, что выявлению функций будут способствовать авторские определения компонентов модели системы социального принуждения.

Целью исследования является выявление функций, компонентов авторской модели системы социального принуждения.

Известно, что наиболее распространенный вариант определения категории «функция», исходит из общепринятого содержания данного понятия (лат. *functio* – исполнение, совершение). Кроме этого определения можно также отметить, что функция – это общее понятие, определяющее некоторые необходимые условия сохранения независимого существования системы внутри какой-то среды [12, с. 27]. Приступая к выявлению функций компонентов, скажем, что функции государственного и правового принуждения показаны в статье И.В. Лапшиной,

А.В. Алексеевой «Функции компонент государственного и правового принуждения авторской модели системы социального принуждения» [11].

Экономическое принуждение связано с функцией взимания налогов и сборов, которая способствует использованию современных инновационных способов ведения деятельности в аграрном секторе. В данном случае необходимо использование принуждения в отношении к бюрократическим кругам, препятствующим внедрению новых инновационных способов ведения деятельности в сельском хозяйстве. Использование новых методов (биотопливо – использование «зеленого дизеля», гранулированного биотоплива из подсолнечника, минеральные удобрения и пр.).

В связи с тем, что мы понимаем экономическое принуждение как процесс организации хозяйственной деятельности, при котором осуществляются вынужденные внешние поступки в экономической сфере, то мы можем ввести еще и стабилизационную функцию, направленную на стабилизацию переходной бюджетной экономики регуляторами государства. Государство в экономической сфере создает механизмы для обеспечения социально-экономического порядка.

Далее, мы можем ввести целевую функцию, которая связана с целевыми ориентирами, связанными, в частности, с формированием социального капитала, предназначенного для финансирования населения и формируемого как самими гражданами, так и государством. Так, например, в настоящее время недостаточный уровень пенсионного обеспечения граждан нашей страны заставляет некоторую часть молодого и среднего возраста населения участвовать в софинансировании своей будущей пенсии. Кроме того, еще одним целевым ориентиром государства является обеспечение экономической безопасности страны с использованием при необходимости принудительных механизмов. Известно, что капиталистические страны длительное время пытались оказывать экономическое давление на социалистические страны. В качестве иллюстрации можно привести цитату: «...В преддверии экономической войны против Советов...подсчитано,... что если США увеличат свои расходы на оборону на 10% от валового национального продукта, то Советы будут вынуждены увеличить свои на треть...» [21, р. 69].

Виртуальное принуждение. Одно из определений понятия «виртуальный» пози-

ционируется как фактический. Кроме того, словари дают следующую трактовку понятия «виртуальный» – это такой, который может или должен проявиться при определенных условиях [16, с. 96]. Сегодня многие исследователи изучают проблематику, связанную с виртуальным пространством, виртуальной реальностью. Так, существует мнение, что виртуальное пространство связано с реализацией информационных прав человека и охраной различного рода секретной информации. С учетом этого оно выступает частью общего информационного пространства [8, с. 51-78].

Мы определяем виртуальное принуждение, как вариант психологического заставления, способствующего воздействию (например, влияние всепроникающей цифровой вселенной игрового мира) на сознание человека, однако, не стесняя его внешнюю свободу. С подобных позиций, утверждающих, что виртуальное пространство теснейшим образом связано в наши дни с информационным пространством в целом; на наш взгляд в стране необходимо ввести в область действующей юридической практики санкции, обладающие государственно-принудительной силой. Так, в частности в киберпространстве в отношении тех сайтов, которые, например, призывают молодежь к террористической деятельности, необходимо применение принуждения. Надо учитывать, что киберпространство сегодня не имеет географических границ, и масштаб функционирования современных глобальных сетей, пожалуй, ограничивается только тем местом на карте мира, где нет еще доступа к Интернету. Поэтому сложно говорить о принудительных мерах в отношении одного государства, и все же в рамках российского общества во избежание распространения информации экстремистской, террористической направленности необходим постоянный набор действующих мер и правил, возведенных в рамки закона, опирающегося на меры государственного принуждения. Итак, мы можем провести связь виртуального принуждения с государственным принуждением и ввести в область функций виртуального принуждения, предложенные нами выше регулирующую и организационную функции. Здесь же мы можем добавить и функцию из области правового принуждения, а точнее, надзорную функцию. Надзор в этой области еще необходим потому, что электронный виртуальный мир, в наши дни практически ничем не ограниченный, представляется как «пучок

возможных жизней человека». Более того, на наш взгляд замена реальной жизни на виртуальную в любом случае должно попадать под государственно-правовое принуждение со стороны государства в связи с тем, в частности, что может возникнуть желание доработать этот (реальный) мир.

Здесь мы можем сделать промежуточный вывод о том, что виртуальное принуждение с позиции выявленной его связи с государственным принуждением также объединено и с идеологическим принуждением в той его части, которое связано с пропагандой политических идей правящей элиты. С идеологической точки зрения в сфере виртуального принуждения необходимо проведение активной пропаганды правомерного поведения в виртуальном пространстве, способствующего регулированию в целом информационных правоотношений в государстве. Тем не менее, не следует ставить знак равенства между демократией в виртуальном пространстве, например, с обсуждением политических проблем в Интернете, и демократией в реальной жизни. Нельзя замещать виртуальной реальностью реальные социальные практики. В связи с отсутствием законодательных нормативно-правовых актов в сфере регулирования новых реалий виртуального пространства представляется необходимым усиление действия выявленных нами функций в области виртуального и государственного принуждения.

Политическое принуждение. Под политическим принуждением мы понимаем давление на волю человека, причем это давление должно побудить его собственную волю к известному решению и может изменить мотивационный процесс в душе заставляемого, сообщая ему новые мотивы. Известно, что между правящей элитой государства и остальной частью общества существует связь, и она подпитывается убеждением людей поддерживать проводимую ею политику. Причем далеко не всегда при этом используются методы, связанные с убеждением и поощрением за проявление лояльности к ней. Для расширения арсенала средств убеждения известны в истории обществ методы подавления и репрессий. Так, советский период истории российского государства насыщен примерами добывания признания под пытками, заключение массы людей в тюрьмы, отправление в лагеря или на казнь. Например, венгерский экономист К. Янош пишет о том, что когда политическая структура сложилась (указывая на правление И.В. Сталина), дух политического большинства людей

оказался сломлен до такой степени, что они не осмеливались даже помыслить о сопротивлении...это – то, что обеспечивало дисциплину в обществе [9, с. 72].

Политическое принуждение обладает подавляющей функцией. Подавление наблюдалось практически во всех сферах жизнедеятельности частной жизни советского человека – это и культура, и семья (количество в ней детей), выбор профессии и места работы (семейные подряды, стахановские движения и пр.) и др. В настоящее время, как пишет В.И. Якунин, нынешние административные реформы в российском обществе происходят, если не с «позиции силы», то в русле последовательного возрастания удельного веса групповых интересов чиновничества. В связи с этим перед российским государством стоит задача – повысить сбалансированность интересов аппарата управления государством и общества. Одним из успешных инструментов государственной политики становится программно-целевое управление [18, с. 13].

Демографическое принуждение – это довлеющее влияние внешнего режима и его проникновение в душу человека, способствующего вынуждению человека на осуществление внешнего поступка, неприемлемого для него. Миграция способствует наличию в обществе стремления к построению собственной лучшей по сравнению со старым вариантом стратегии выживания, а точнее, наилучшему варианту приспособленности к условиям существования. Мигранты могут столкнуться / сталкиваются с ситуацией неопределенности, связанной с новым окружением и боязнию быть отвергнутым этим новым для них кругом. В связи с этим в новой жизненной ситуации мигрант получает новое социальное положение, нередко теснейшим образом связанное с вариантами психологического самопринуждения в преодолении дистанций и порой даже физических форм принуждения, направленных в его сторону со стороны нового окружения. В настоящее время широко распространено виртуальное общение. Так, в монографии «Социально-философские проблемы миграции» авторы пишут о том, что сегодня Интернет превращается в инструмент миграции, и прежде всего с позиции международных или межконтинентальных миграционных потоков, в результате чего развивается интерактивное пространство [1, с. 51].

После распада Советского Союза в Россию увеличилась численность миграцион-

ных потоков из стран СНГ. В связи с этим граждане российского общества сталкиваются с такими проблемами, как чувство тревоги за сохранения константных качеств национального характера будущего страны. Так, компонента системы демографического принуждения, на наш взгляд, должна обладать регулирующей функцией.

На постсоветском пространстве происходит процесс, направленный на формирование государств с мононациональным населением. Это происходит в связи с тем, что наблюдается «выдавливание» за пределы государств нетитульных для них народов и возвращения на историческую родину соотечественников. В современной России «гастарбайтеры» вытесняют с рабочих мест жителей России посредством своей готовности получать самую минимальную заработную плату. Как замечает автор статьи «Искать в себе силы» А. Яровой, «...подобные эпизоды могут служить искрой, поднесенной к бочке бензина» [19, с. 7].

Силовое принуждение – можно понимать как вариант ситуационного воздействия, способствующего вынужденному поведению человека... В советский период истории нашего общества основное внимание уделялось вооруженным силам и военно-промышленному комплексу, им отпускался наибольший объем материальных и интеллектуальных ресурсов. Военные победы в советский период всегда занимали главенствующее место в структуре национальной гордости. Считалось, что политика силового воздействия в локальных участках позволяла ввести в них порядок и организованность.

Известно, что США в отношении СССР стояли на позиции «стратегии сдерживания», а точнее, США собирались сохранить свою военную власть с помощью силы и угрозы ее применения. Так, «сдерживание» подразумевало удерживание равного по силе Советского Союза от нападения на США. «Единственный сдерживающий фактор, который мы можем противопоставить Кремлю – это свидетельство того, что возникновение, которому нельзя воспрепятствовать, любой критической точки в мире мы можем использовать как повод для глобальной войны» [20, р. 401]. Так, американцы полагают, что их демократия является самой «правильной». Американцы считают так: «Мы же не захватываем чужие территории; если и стараемся изменить мир, то в лучшую сторону; если и свергнем, когда представляется случай, то тиранов;

распространяем демократию» [2, с. 56]. Таким образом, ставка на силу является решающим фактором. Военная сила США стала широко применимым средством наравне с политическими действиями. Военно-стратегическая мысль устремлена на совершенствование краткосрочных действий, получивших название «стратегического паралича». Военный теоретик Фуллер выявлял три сферы войны: ментальную, моральную и физическую. Так, автор статьи «Американские концепции «стратегического паралича»» О. Иванов указывает на то, что «...неприятель, потеряв психологическую устойчивость, будет сломлен и побежден. Война, основанная на воздействии, направлена на то, чтобы парализовать противника, при этом не обязательно уничтожать его» [7, с. 59, 64, 57-68]. На наш взгляд, такая форма ведения войны содержит психологическое принуждение, которое направлено не на физическое уничтожение противника (с использованием насилия), а на воздействие на его мозг и подавление воли.

В современности имеют место вспышки международного терроризма. Радикальная исламистская идеология выступает одной из причин движущих сил появления терроризма. Реакция государств на него сводится к применению силовых методов с применением сил полиции и, в крайних случаях, вооруженных сил государств и спецподразделений.

В настоящее время европейские правительства пытаются воспрепятствовать жителям стран «третьего мира» поселиться на их континенте. Дешевые рабочие руки, земли и рынки отнимаются силой, если это нужно. В нашей стране существуют сторонники силовых решений всех национальных проблем. Так, например, автор книги «Русская идея XXI век» Т. Грозмани пишет о силовом противостоянии Западу по всем направлениям..., указывая также на то, что некоторые особо яркие «патриоты» добавляют к Западу еще Китай, Японию и мусульманский мир [3, с. 67].

Военная сила вместе с информационно-пропагандистской агрессией является одной из методик, направленных на формирование стратегии управляемого хаоса. Г.А. Зюганов в статье «Актуальные вопросы совершенствования идейно-теоретической работы партии» пишет о том, что «глобализация по-американски стала синонимом массового уничтожения людей иной культуры, нежели западная. Глобалистская унификация миропорядка ведет к искоренению национальной самобытности...» [6, с. 2].

Так, пожалуй, в силовом принуждении мы можем ввести функцию сдерживания. Известно, что ядерная триада России на современном этапе выступает как инструмент политического и силового сдерживания и обладает предупредительным механизмом для всех тех держав, которые потенциально предполагают возможность применения в отношении России оружие массового поражения.

Эстетическое принуждение. Известно, что физическое существование искусства фрагментарно, поскольку оно длится, пока длится сам эстетический опыт. Так, в случае живописи фрагментарность связана с человеческим фактором, поскольку индивидом (социальной группой) всегда заново постигается произведение искусства. Уточняя, можно сказать о варианте нового прочтения произведения искусства или восприятия с иной точки зрения, что, например, может способствовать воздействию на политический разум индивида или целой социальной группы. Надо заметить, что с течением времени то, что было актуально в живописи, в музыке может стираться в сознании человека и заменяться новыми средствами. Известно, что само человеческое сознание меняется во времени и его нестабильность влияет на эстетическое существование самого человека [См.: подробнее в 10, с. 63-68]. С учетом вышесказанного мы можем ввести функцию программирования поведения средствами эстетического принуждения. Например, плакат времен Второй мировой войны «Родина – мать зовет!» – его творческая сила заставляла граждан нашего государства выполнять свой долг перед Отечеством и действовала психологически на их сознание.

В настоящее время таким программирующим поведение инструментом может служить реклама, которая оказывает психологическое давление на сознание граждан. Кроме того, мы можем сказать о репертуаре, содержащем социальные тексты некоторых молодых исполнителей. Например, К. Гордон, которая со своей группой «Blondrock» записала песню: «Математика» с громким рефреном «У нас свободу не отнять». В. Обломов с треком: «С чего начинается Родина». Социальные треки отображают содержимое пространства общественного напряжения современности и способствуют тому, что социальная проблема становится услышанной большой аудиторией, преимущественно молодой. Тем самым молодежь попадает в гущу событий и вступает в об-

щественную и политическую жизнь государства. Социально-политические композиции в условиях современной российской культуры, в первую очередь, заставляют молодых людей задуматься и проанализировать в целом ситуацию в стране.

Мы определили эстетическое принуждение как форму заставления, представляющую собой душевное давление на волю человека (психологической вариант) фактически подходящее к человеку «извне», но при этом обращаясь к душе человека. Интересно здесь суждение, представленное Э. Жильсоном в его труде «Живопись и реальность», – «сущность искусства – расчет» [5, с. 186]. Эстетические объекты являются визуальными схемами реальности. Еще одним существенным замечанием является то, что искусство играет роль «...памятки в личной жизни человека или общественной группы» [Там же, с. 243].

С позиции воздействия на российское общество в целом эстетическое принуждение может обладать и коллективной функцией. Здесь мы можем сказать о том, что на первом месте в советском обществе всегда стояло коллективное «мы», а не отдельные индивидуумы, а точнее, «я». Общественное всегда было выше личного. Изобразительное искусство в советский период, в частности, использовалось как инструмент для утверждения сущности и значения государственного устройства и руководящей роли партии. Так, художественные фильмы, живопись, искусство служили пропаганде.

Вот мнение исследователя Э. Жильсона: «...эмоциональное воздействие искусства используется для влияния на чувства людей, чтобы внушить им некоторую истину и привлечь к ней сторонников, подчинения уму» [Там же, с. 245]. Также представления исследователя совпадают с мнением Г. Гарда, который в труде «Сущность искусства» пишет, что: «...искусство есть важная отрасль социальной теологии, средство достигнуть социальной цели...» [17, с. 34].

Другой функцией, на наш взгляд, выступает эмоционально-регулирующая функция. Искусство формирует картину мира человека или социальной группы в социально желаемом аспекте (социально одобряемых формах). Вот и В.С. Жидков, К.Б. Соколов пишут: «...что функция эмоционального управления реализуется в разных видах искусства на разном чувственном материале...» [4, с. 134]. Как известно, управление можно осуществлять как на добровольной

основе, так и используя давление на граждан. Искусство создает связи человека с окружающей его реальностью. Также искусство эмоционально заражает человека, возбуждая эмоции. Навязываются идеалы через искусство, стандарты поведения и тем самым регулируется нравственное поведение человека. Само принуждение данного вида скорее можно отнести к психологическому принуждению, поскольку при нем человек может быть поставлен в такие условия, при которых он может быть лишен выбора поведения между исполнением или не исполнением предъявляемых к нему требований.

Идеологическое принуждение – это совокупность идей и взглядов, отраженных в теоретической систематизированной форме и заставляющих индивида действовать определенным образом. Говоря об идеологическом принуждении и его функциях, заметим о необходимости введения функции, направленной на формирование социальных стереотипов, связанных с культурной идентификацией и созданием в государстве патриотических аспектов с использованием скорее самопринуждения, нежели прямых вариантов принудительного характера. Известно, что в мировой социально-философской литературе XX века в трудах ученых: К. Манхейма, Э. Дюркгейма, Г. Гейгера, В. Парето, М. Шелера, Л. Альтюссера и др. обсуждаются представления о связи идеологии и утопии, суверенитета, гражданственности, патриотизма и общечеловеческих ценностей. Мы не будем подробно останавливаться на всех теориях данных исследователей, приведем только некоторые идеи. Так, например, К. Манхейм замечает, что идеология преобразует «идеи» в функции их носителя и тем самым определяет его непосредственное положение в социальной сфере. Немецкий социолог Г. Гейгер понимал идеологию как социально искаженное мышление.

Советская идеология мобилизовала народ во имя решения конкретных политических задач. Итак, мы можем говорить о регулятивной функции идеологического принуждения в советский период. В сталинский период перегибы известны всему миру – это и репрессии, и насильственная коллективизация, в целом, еще и ранее стояла задача «разрушить все, а затем...». Командно-административная система ориентировала советских граждан на «общее дело», на «мир» т.е. на коллективистские идеи. С учетом изложенного в этот пери-

од истории нашего государства граждане не были полностью свободны от государственного принуждения, правительственной цензуры, фактически принудительного членства в партии, а также навязывания государственной идеологии, начиная со школы. Советская идеология была обязательной для всех граждан, и борьба с ней «... считалась преступлением и наказывалась».

В настоящее время в российском обществе отсутствуют идеологические точки опоры. Остро стоят вопросы «пространства согласия», установления «рамки диалога», создания условий «ненасильственной коммуникации». Отсутствует устойчивая идеологическая ориентация, однако нельзя утверждать, что в настоящее время идеологии в российском обществе нет. Человек и в целом социальная общность всегда находятся в некотором идеологическом пространстве, которое регулирует его жизнедеятельность. Анализ современных социальных практик России показывает, что мы сегодня имеем, с одной стороны, ситуацию информационно-идеологического вмешательства во внутренние дела российского общества со стороны западных «сил влияния», которые в свою очередь используют «стратегии непрямых действий». С другой стороны, идеи политических партий (партийные идеологии), которые, в свою очередь, составляют основу их политических программ.

Вот, например идея «суверенной демократии», которая становится основой программы партии Единая Россия. Сама идея, предложенная В. Сурковым, позиционируется как «...образ политической жизни общества, при котором власти, ... их действия ... формируются и направляются исключительно российской нацией... ради достижения материального благосостояния, свободы и справедливости всеми гражданами, социальными группами... ее образующими» [13, с. 10].

Эта идея имеет согласных с ней и несогласных. Так, например, – это Е.М. Примаков, который утверждает, что суверенная демократия имеет ярко выраженный защитный характер. На страницах Независимой газеты он, в частности, пишет следующее: «Суверенитет выражает право нации на свободный и независимый политический, экономический и социальный курс при запрете на какое бы то ни было вмешательство извне. Суверенитет непосредственно проявляется в процессе осуществления государством его функции во внутренней и внешнеполитической деятельности» [14]. В связи с данным суждением можно пред-

положить, что еще одной функцией идеологического принуждения на современном этапе может выступать защитная функция. Эта функция должна способствовать тому, чтобы демократический режим российскому обществу не должен быть навязан извне. Существенным, на наш взгляд, будет суждение в пользу того представления, что российские идеологии (партийная, государственная и национальная) не должны противоречить реалиям сегодняшнего дня, а точнее, ее экономическим и политическим требованиям, а также и с позиции отстаивания национальных интересов страны на государственном уровне. Государственная идеология настоящего России ни в коей мере не должна быть навязана (как извне, так и изнутри) и что при ее формировании нельзя использовать принудительные конструкции.

Внеэкономическое принуждение нами понимается как такая форма психического/физического заставления, при которой человек вынужден находиться под давлением уравнилельных принципов распределения материальных благ, а также в форме довлеющей угрозы или прямого внешнего ограничения, выступающего в виде непосильного труда.

В советский период истории российского общества известны варианты внеэкономического принуждения в форме проведения мобилизации, а точнее, это организация трудовых лагерей, трудовых армий и не только. Как известно, в нашей стране подобные формы принуждения к труду вызывали противодействие: бунты, забастовки, отказ от работ – все энергично подавлялось властями. С учетом этого мы можем ввести мобилизационную функцию. Кроме того, имела место текучесть, обусловленная неудовлетворенностью условиями работы, низкой оплатой труда и др. Однако с подобной текучестью кадров также был найден эффективный способ борьбы, а точнее, это введение трудовых книжек, паспортной системы и института прописки. В селе, несмотря на отсутствие паспортов, фиксировалась также повышенная текучесть граждан, которые устремлялись в города. Исполнительская функция, направленная на исполнение своих трудовых обязанностей гражданами под давлением внешних обстоятельств, связанных с введением паспортной системы и трудовых книжек.

Заключение

На основе проведенного анализа социальных практик, отражающих применение

принуждения и представленных функций компонентов авторской модели системы социального принуждения, следует сделать вывод, что нами был выявлен ряд функций, которые имеют различные названия, однако при этом они имеют близкие или сопряженные задачи/цели и резервируют друг друга. А наличие резервных функций в сложной системе является необходимым фактором для повышения ее живучести.

Издание осуществлено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 12-03-00081 а «Применение системного подхода в исследовании связей и функций авторской модели социального принуждения»

Список литературы

1. Бабинов Ю.А., Метелев И.С. Социально-философские проблемы миграции. Монография. – Севастополь: СевНТУ, 2011. – 251 с.
2. Белотелов Н.В., Бродский Ю.И. Сложность. Математическое моделирование. Гуманитарный анализ: Исследование исторических, военных, социально-экономических и политических процессов. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 320 с.
3. Грозмани Т. Русская идея XXI век. – М.: Издательский дом «Политика», 1998. – 112 с.
4. Жидков В.С., Соколов К. Б. Искусство и общество. – СПб.: Алетейя, 2005. – 592 с.
5. Жильсон Э. Живопись и реальность / пер. с франц. – М.: «Российская политическая энциклопедия», 2004. – 368 с.
6. Зюганов Г.А. Актуальные вопросы совершенствования идейно-теоретической работы партии // Донская искра. № 44. 31.10-06.11.2012 – С.2. – 1-8 с.
7. Иванов О. Американские концепции «стратегического паралича» // Обозреватель – Observer. № 3. 2008. – С. 59, 64. 57-68.
8. Копылов В.А. Информационное право. – М.: Юрист, 2001. – 512 с.
9. Янош К. Социалистическая система. Политическая экономия коммунизма // Вопросы экономики. – М.: НИП, 2000. – 672 с.
10. Лапшина И.В. Компоненты системы социального принуждения. Социально-философский анализ. – Таганрог: Изд-во Таганрог. гос. пед. ин-та, 2011. – 108 с.
11. Лапшина И.В., Алексеева А.В. Функции компонент государственного и правового принуждения авторской модели системы социального принуждения // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2013. – № 04 (51) АПРЕЛЬ.
12. Парсонс Т. Система современных обществ. – М.: Аспект Пресс, 1998. – 270 с.
13. Пляйс Я. Политическая элита в поисках новой идеологии // Обозреватель – Observer. – 2008. – №3. – С. 6-17.
14. Примаков Е. М. О понятии суверенности // Независимая газета 2007. 24 августа. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.ng.ru/ideas/2007-08-24/8_democracy.html (дата обращения: 7.03.2013).
15. Серегина С. Ф. Роль государства в экономике. Синергетический подход. – М.: Дело и Сервис, 2002. – 288 с.
16. Словарь иностранных слов. – М.: Рус. яз, 1987. – С.103; Краткий словарь современных понятий и терминов / Сост. и общ. ред. В.А. Макаренко. – М.: Республика, 1995. – 510 с.
17. Тард Г. Сущность искусства / Пер. с франц. – М.: Издательство ЛКИ, 2007. – 120 с.
18. Якунин В. И. Формирование государственной политики в современной России: проблемы теории и практики. – М.: РОСПЭН, 2006. – 352 с.
19. Яровой А. Искать в себе силы // Справедливая Россия на Дону. – 2013. – № 1[24] февраль. – С. 7.
20. National Security Council Memorandum 68. Цит. по Etzold T., Gaddis G.L. Containment. Documents of American Foreign Policy and Strategy, 1945-1950. N-Y.: Columbia University Press, 1979.
21. Stone L. F. How Jon Foster Mitty Triumphed at Versailles // The I.F. Stone Weekly Rebber / Ed. by N. Middleton. N.-Y. Vintage Books, 1974. – P. 69.